

Н. Михновец

МЕХАНИЗМ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В «КРОТКОЙ»: К проблеме «Автор — Читатель»

Многочисленны интертекстуальные связи повести Ф.М. Достоевского «Кроткая». В достоевведении существует на сегодняшний день большая исследовательская литература об этом. Показательно, что расширение контекста может быть продолжено: «Ромео и Джульетта» В. Шекспира, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, глава «Женщина в свете» из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и др. Совершенно особую роль в художественном мире «Кроткой» играет обширный евангельский контекст и «Фауст» И.В. Гете.

В случае столь широкого контекста заостренно встает вопрос о складывающемся в художественном мире произведения коде прочтения для читателя. Попытаемся в предлагаемой статье обнаружить такой код, вскрыть один из важнейших механизмов смыслопорождения, работающий в русле авторского мирозерцания.

Начнем с того, что у широкого контекста в «Кроткой» есть бросающаяся в глаза особенность. В повести Достоевского много произведений *хорошо известных*, словно лежащих на поверхности, легко улавливаемых, воспроизводимых памятью читателя. Герой рисует свою жизнь, ориентируясь на литературные и театральные образцы: линия Мефистофеля, пушкинского Сильвио, Лопухова из романа «Что делать?». Любопытно, что в контекст повести входят многие драматические произведения, широко представленные и более или менее популярные на российской театральной сцене 40-х — начала 70-х гг. прошлого века, — «Ричард III» и «Отелло» В. Шекспира, драма Н.В. Кукольника «Джакобо Санназар», мелодрамы французского толка.

Помимо литературных текстов, подключенных к «Кроткой» и выполняющих в ней многообразные функции, в повести имеют место и фольклорные «вкрапления». В небольшой статье обратимся к широко известному, но вместе с тем минимальному по своему объему тексту, включенному в художественную систему повести «Кроткая», — к пословице. «Известность, — справедливо заключает исследователь, — общее свойство фольклора, и для аллюзии он служит самым благодатным материалом: предпочтение, естественно, отдастся наиболее активному бытующим фольклорным жанрам — песне, пословице, поговорке»¹.

¹ Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Саратов, 1980. С. 129.

Исследователь М. С. Альтман впервые обратил внимание на случаи сюжетного развертывания пословиц в произведениях Достоевского². В. П. Владимирцев поставил вопрос о специфике художественной паремиологии Достоевского, определил основные «способы вживления пословицы в художественную ткань произведения» писателя³. В. А. Михнюкевич отмечает разнообразные формы присутствия пословиц (цитата, парафраза, реминисценция), рассматривает их многообразные функции в художественной системе Ф. М. Достоевского⁴.

Пословица играет значимую роль и в повести Достоевского 1876 г. «Кроткая». Пословица совершенно очевидно звучит уже в ранних вариантах повести. «Лучше, дескать, я потом вдруг выкажусь ей мягче [а сначала нечего очень стлать] [думал я] [решил я], когда она уже войдет ко мне в дом, и она приятно удивится и, разумеется, впятеро будет ценить» (24; 345). Эта мысль героя в черновых вариантах неоднократно повторяется. «Усилить строгость, так я и в дом ввел ее под строгостью» (24; 347). «Главная моя мысль была, чтоб не мямлить, не лизаться в самом начале, не просить прощения ни в чем, не оправдываться, а р-разом поразить воображение! Ошибить его, испугать его, если надо, [даже] и тем даже лучше» (24; 351). Свое поведение и взаимоотношения с Кроткой герой планирует, опираясь на логику известной пословицы: «Мягко стелет, да жестко спит». Правда, герой пословицу переинтерпретирует, «переворачивает». Сначала он «жестко стелет», чтобы потом ему же «мягко спать» было. По такому плану он мечтает сотворить любовь жены к нему: «О, любовь я хотел создать» (24; 347); «Я и любил ее так, — именно как за создание мое, как за существо, которому я дал свет и жизнь» (24; 347)⁵.

В дефинитивном тексте пословица столь явно не звучит. Она скорее подспудно присутствует в повести от начала до конца. К ней восходит в тексте ряд аллюзий: «Я видел, что она пока еще ужасно боится, но я не смягчил ничего, мало того, видя, что боится, нарочно усилил: прямо сказал, что сыта будет, ну а нарядов, театров, балов — этого ничего не будет, разве впоследствии, когда цели достигну. Этот строгий тон решительно увлекал меня» (24; 11). Или: «Я сказал, что ввел ее в дом под строгостью, однако с первого же шага смягчил» (24; 14). Вместе с тем и здесь герой выстраивает свое поведение и взаимоотношения с Кроткой сообразно логике «перевернутой» пословицы.

² См.: Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен. Саратов, 1975. С. 37, 41–42, 70, 113–115.

³ Владимирцев В. П. Ф. М. Достоевский и народная пословица // Русская речь. 1992. № 5. С. 104–105.

⁴ См.: Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского. Челябинск, 1994.

⁵ Э. А. Полоцкая совершенно справедливо рассматривает взаимоотношения героев «Кроткой» под знаком мифа о Пигмалионе и Галатее. См.: Полоцкая Э. А. Литературные мотивы в рассказе Достоевского «Кроткая» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб, 1994. Т. 11. С. 262–263.

В. П. Владимирцев определяет один из способов «вживления» Достоевским пословицы в художественную ткань произведения как «парадоксальный». В этом случае происходит, по мнению исследователя, обращение семантики пословицы в ее противоположность.⁶ Показательный пример из «Петербургской летописи» (1847): «Русский не выдержит, уж он скорее разлюбит или *опустится*, или сделает что-нибудь другое — и здесь можно довольно верно сказать наоборот известной пословице: что немцу здорово, то русскому смерть» (18; 32).

Тот же самый прием использования пословицы, на наш взгляд, имеет место в «Кроткой»: герой повести *пересоздает, переформирует*⁷ пословицу. Однако перед нами уже не «локальное» использование «обратной» пословицы, как это было в «Петербургской летописи». В художественной системе «Кроткой» «перевернутая» пословица играет совершенно особую, едва ли не ключевую роль.

Какова же функция пословицы в «Кроткой»? Начнем с того, что в повести пословица-«перевертыш» становится «опорной» частью игровой ситуации, которую создает сам герой. Самая возможность связать пословицу и игру была хорошо известна писателю. По воспоминаниям его племянницы М. А. Ивановой, Достоевский, будучи гостем в их семье, охотно принимал на досуге участие в игре в пословицы. Правила игры в пословицы описаны в повести «Вечный муж»: «все садятся и один на время отходит; все же сидящие выбирают пословицу, например: „Тише едешь, дальше будешь“, и когда того призовут, то каждый или каждая по порядку должны приготовить и сказать ему по одной фразе. Первый непременно говорит такую фразу, в которой есть слово „тише“, второй — такую, в которой есть слово „едешь“, и т.д. А тот должен непременно подхватить все эти словечки и по ним угадать пословицу» (9; 74)⁸. Пословица, таким образом, становилась основой для загадки-игры⁹. Нечто подобное предстает перед нами и в «Кроткой».

Первоначально герой на основе своей пословицы-«перевертыша» создает самую *ситуацию игры-загадки*¹⁰. Слово «игра» открыто появляется в черновых вариантах: «Если надо ошибить, испугать, если надо, даже тем лучше. Суров, горд и в нравственных утешениях ничьих

⁶ См.: Владимирцев В. П. Указ. соч. С. 104.

⁷ Именно эти слова герой по черновому варианту произносит в связи с Кроткой: «я хотел любить ее искренно <...> но — сначала приготовить ее, обделать ее, так сказать, **пересоздать** и **переформировать**» (24; 348).

⁸ На мемуарное свидетельство М. А. Ивановой обратил внимание В. П. Владимирцев. Он же в статье «Ф. М. Достоевский и народная пословица» цитирует отрывок из «Вечного мужа». См.: Владимирцев В. П. Указ. соч. С. 103.

⁹ Структурная близость пословиц и загадок, многочисленные трансформации пословиц в загадки уже давно стали предметом осмысления в паремиологии. См. об этом: Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). М., 1978. С. 315

¹⁰ О загадке в творчестве Достоевского см.: Владимирцев В. П. Ф. М. Достоевский и народная загадка // Русская речь. 1994. № 5. Повесть «Кроткая» в этой статье не рассматривается.

не нуждается. Страдает молча. Увидит, что есть великодушие, только она не умела видеть, тем более станет ценить. Не правда ли? Не правда ли, что было хорошо. Но... но все-таки **это была игра**» (24; 347). И в окончательном тексте герой моделирует ту же ситуацию. Герой собирается «ошибить» воображение Кроткой, ввести жену в заблуждение. Вот в первые дни супружеской жизни Кроткая «с любовью» встречает мужа по вечерам, по-детски доверчиво рассказывает о своем детстве и родителей. «Но я все это упоение тут же обдал сразу холодной водой. Вот в том-то и была моя идея. На восторги я отвечал молчанием, благосклонным, конечно... но все же она быстро увидела, что мы разница и что я — загадка. А я, главное, и бил на загадку! Ведь для того, чтобы загадать загадку, я, может быть, и всю эту глупость сделал!» (24; 13). В игре герой — ростовщик себе отводит роль загадчика, ей — отгадчицы. Она должна отгадать, что за человек перед ней, который «жестко стелет, а спать мягко».

«Остранение <...> — основа и единственный смысл всех загадок», — пишет В. Б. Шкловский.¹¹ Герой Достоевского, словно хорошо владея поэтикой загадки, выстраивает для другого свой образ как образ таинственного, «странного» человека и в первую очередь «бьет» на «разницу» между собой и женой. В таком контексте становится понятным название первой части первой главы: «Кто был я и кто была она» (24; 6).

Неотъемлемой частью этого процесса «остранения» становится отсылка героя к образам мировой литературы. Герой, как в маскараде, примеряет и носит одежды различных литературных героев. Так, последнее из приведенных нами высказываний героя реминисцентно восходит к строкам лермонтовского стихотворения: «Я холоден и горд; и даже злым / Толпе кажуся...»¹² Думается, что герой осознает и создает себя, свой образ, имея в виду прежде всего лермонтовскую лирику. Образы зла, важнейшие в лирике М. Ю. Лермонтова¹³, просматриваются в исповеди офицера-ростовщика: «Я много сделал зла, но больше перенес...» (Л, 1, 325); «С святыней зло во мне боролось...» (Л, 1, 567). Еще в 1861 г. в статьях о русской литературе Ф. М. Достоевский отмечал «лермонтовский комплекс» у «образованного сословия» последних десятилетий. Лермонтов, пишет он, «рассказывал нам свою жизнь, свои любовные проделки: вообще он нас как будто мистифицировал; не то говорит серьезно, не то смеется над нами. Наши чиновники знали его наизусть, и вдруг все начали корчить Мефистофелей, только что выйдут, бывало, из департамента» (18; 59). И герой повести Достоев-

¹¹ Шкловский В. Б. О теории прозы. М., 1983. С. 21.

¹² Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4-х тт. М., 1956–1958. Т. 1. С. 186. Далее это издание цитируется в тексте под литерой «Л» с указанием тома и страницы. Эти реминисценции ранее не отмечались.

¹³ См. об этом: Дрыжакова Е. Оппозиция «добро — зло» в лирике Лермонтова // Михаил Лермонтов. Симпозиум, посвященный 175-летию со дня рождения. Норт-филд, Вермонт, 1992. С. 53–68.

ского в этом случае — не исключение. Вспомним, в начале знакомства с Кроткой он декларирует, цитируя Мефистофеля: «Я — я есмь часть той части целого, которая хочет делать зло, а творит добро...» (24; 9). Закладчик цитирует из «Фауста» И. В. Гете «полушутливо–полутаинственно» (24; 9). В той же статье Достоевский замечает: молодые люди, напустившие на себя «все это мефистофельство, все эти демонические начала», принялись «проклинать себя и отчаиваться». Затем «эпоха демонических начал и самоуличений» стала уходить в прошлое, сменилась временем «обличительной литературы» (18, 60). Так и герой «Кроткой» словно балансирует на границе этих разных эпох в культурной жизни образованного сословия. Он мистифицирует Кроткую, «корчит» из себя Мефистофеля и перед гробом любимой доходит до отчаяния. И он же готов бросить обвинение всему миру.

Итак, *объект загадки* Закладчика — он сам. Или точнее: его видение, его понимание самого себя. Теперь обратимся ко всем остальным составляющим семантической структуры загадки¹⁴. Любая загадка, как известно, предполагает *описание* субъекта или объекта, прямо не названных, подразумеваемых. Такое описание есть: сам герой «Кроткой» рисует свой образ. Он выстраивает свой «имидж» по особому плану: сначала жена должна узнать о нем не хорошее, а плохое.

Вспомним, например, историю с «капитаншей». Закладчик ведет себя с попавшей в беду женщиной как расчетливый ростовщик, жестко соблюдающий свою выгоду. У читателя складывается впечатление, что Закладчик намеренно так поступает, демонстрируя свою *жесткость* перед Кроткой. Или еще случай — встреча жены с Ефимовичем. Кроткая узнает от Ефимовича о случае в полку, после которого ее муж вышел в отставку. Он, по соображениям полковых товарищей, должен был вызвать на дуэль гусаров, поставивших под сомнение честь полка. Но он не сделал этого. Его посчитали трусом. Это обвинение так и осталось за ним на всю жизнь. Ефимович и спустя годы не считает его «порядочным человеком». Закладчик на самом деле спровоцировал такого рода свидание, оно вполне вписалось в его план испытания Кроткой. В результате перед Кроткой вполне отчетливо вырисовывается образ «классического» ростовщика и труса.

Затем Закладчик опровергает подобные представления о себе. Правда, делает это он скорее невольно, заранее ничего не обдумывая. Ему представляется, что хорошее ему нет нужды демонстрировать: оно всегда в нем есть. И он слишком горд, чтобы что-то подсказывать Кроткой. Так, он простит два долга, одной бедной женщине даст день-

¹⁴ «С семантической точки зрения, — пишет Ю. И. Левин, — загадку можно определить как текст, денотатом которого служит некоторый объект, в самом тексте явно не названный. <...> с прагматической точки зрения, функцией этого текста является побудить адресата назвать объект — денотат <...> этот текст не должен исчерпывающим образом описывать объект». — Левин Ю. И. Семантическая структура загадки // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка. С. 283.

ги без всякого заклада. «И жене я не сказал про это, и вовсе не для того, чтобы она узнала, сделал; но женщина сама пришла благодарить, и чуть не на коленях. Таким образом огласилось; мне показалось, что про женщину она действительно узнала с удовольствием» (24; 25). И ночью, когда револьвер в руках Кроткой был у его виска, он не дрогнул. Мгновение он прямо смотрел в глаза Кроткой, а затем невозмутимо закрыл их. Он предоставил тем самым ей выбирать: поверить в то, что он во сне случайно открыл глаза, или признать, что он бесстрашный человек. Он — то надеется на последнее: «Но она все-таки могла угадать и правду, — это-то и блеснуло в уме моем вдруг, все в то же мгновение» (24; 21).

Итак, Кроткая, узнав о муже две разные правды, поставлена перед необходимостью понять, какой из поступков мужа является «ключевым» для разгадки его «тайны», а какой только искажает правду, провоцируя ее на ложный ответ. Она, как желает герой, должна восстановить справедливость. Еще в самом начале повести читаем: «Я хотел, чтоб она узнала сама, без меня, но уже не по рассказам подлецов, а чтобы *сама догадалась* об этом человеке и постигла его!» (24; 14).

Загадка не существует без *отгадки*. Какая же отгадка у загадки Закладчика? По логике героя, за его внешней жесткостью, холодностью и строгостью стоит настоящий подвиг «великодушия». «Нет, возьмите-ка подвиг великодушия, трудный, тихий, неслышный, без блеску, с клеветой, где много жертвы и ни капли славы, — где вы, сияющий человек, перед всеми выставлены подлецом, тогда как вы честнее всех людей на земле, — ну-тка, попробуйте-ка этот подвиг, нет-с, откажетесь!» — заявляет Закладчик (24; 14).

Реконструируем загадку героя: «*жестко стелет, а мягко спать*». Это отправная загадка, на ее основе разрастается целый ряд однотипных загадок: *не вызвал на дуэль, а не трус; ростовщик, а не скупой; ростовщик, а великодушен*. Загадка «*не вызвал на дуэль, а не трус*» генетически восходит к герою повести А.С. Пушкина «Выстрел»¹⁵. Все же вместе загадки можно определить как загадки «мефистофелевского» типа. Согласимся, Мефистофель по сути дела дает весь комплекс загадки: и загадку («я есмь часть той части целого, которая хочет делать зло, а творит добро...») и отгадку («Я»).

В основе загадок героя Достоевского каждый раз положена оппозиция. Такого рода загадки широко представлены в русском фольклоре. Например: «Не птичка, а с крыльями» (Бабочка); «Ног нет, а идет, глаз нет, а плачет» (Туча); «Не зверь, не птица, а в избу просится» (Ветер); «Не часы, а время сказывает» (Петух). Одна из особенностей таких загадок: они содержат в себе подсказку¹⁶ (не птичка; не зверь; не птица;

¹⁵ О связи повести Достоевского с «Выстрелом» А.С. Пушкина см.: Поддубная Р.Н. Герой и его литературное развитие (Отражение «Выстрела» Пушкина в творчестве Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 59–66.

¹⁶ См.: Левин Ю.И. Указ. соч. С. 309.

не часы). То же и в загадке ростовщика. Любой отгадывающий его загадки по предложенному описанию не может не прийти к однозначной отгадке (не защитил чести полка, значит, трус; стоит на страже денег, значит, скупой), а «негаторы» — подсказки (не трус, не скупой) отсекают эту возможность.

И все же загадка офицера–ростовщика не вполне отвечает поэтике этого типа загадок. В фольклорных загадках подсказка устраняет какой-то один вид или разряд явлений, предметов (например, в загадке «*не часы, а время сказывает*» — не подразумеваются часы). Однако при этом предполагается, что существуют и другие виды, разряды явлений или предметов, которым может быть прямо или через олицетворение приписано обозначенное свойство (так, время сказывать может и петух). Другое дело загадка Закладчика, специфическая особенность подсказки в ней. Присмотримся, например, к загадке «*ростовщик, а не скупой, ростовщик, а великодушен*». Подсказка (не скупой, великодушен) исключает ключевое свойство человека, занимающегося подобным видом деятельности. Согласимся: щедрого и уж тем более великодушного ростовщика не бывает. И еще. В загадке Закладчика не предполагается, да и невозможно *замещение* одного понятия другим (по типу *часы–петух*). Ростовщик ростовщиком и остается.

По логике же Закладчика замещение можно произвести. Он–то имеет в виду себя как «сияющего человека», «честнее всех людей на земле» человека. По сути дела, он приписывает себе способность к *преображению*: одни «видимые» его качества («подлец») могут чудесным образом преобразоваться перед лицом других людей в качества высшего порядка («сияющий человек»). Мысль о возможности преобразования человека в историко–культурной перспективе восходит прежде всего к Библии. В Ветхом Завете читаем: «Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами от того, что *Бог* говорил с ним» (Исх. 34; 29). В Евангелии: Иисус «преобразился» перед учениками своими: «и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет» (Мф. 17: 2). Герой Достоевского, как уже отмечалось, плохо знает Евангелие, в конце повести он восклицает: «„Люди, любите друг друга“ — кто это сказал? чей это завет?» (24; 35). Но, может быть, именно поэтому ему и легко вознести себя до Бога? Он, несомненно, претендует на роль Творца, вспомним хотя бы его желание создать любовь, план «пересоздать и переформировать» Кроткую или дерзкую его мечту воскресить Кроткую: «О, пусть все, только пусть бы она открыла хоть раз глаза! На одно мгновение, только на одно! взглянула бы на меня, вот как давеча, когда стояла передо мной и давала клятву, что будет верной женой! О, в одном бы взгляде все поняла!» — стонет он (24; 35). Таков уровень претензий героя–парадоксалиста!

Однако для любого другого человека такая логика закрыта. Не случайно загадку Закладчика отгадать никто не может. Другие участники

игры: Автор, Читатель — дадут принципиально иные ответы. Для автора, например, единственное имя героя — это Закладчик. Имя же героини — Кроткая. Так названа и повесть. Перед нами, несомненно, много говорящая читателю аллюзия: «Блаженны **кроткие**, ибо они наследуют землю» (Мф. 5; 5).

Кроткая не отгадывает загадки мужа: герой не только ошибается в построении своих парадоксов, он не соблюдает и важнейшие условия *игры в загадки*. Самое элементарное условие — слушатели должны включиться в игру. Однако Кроткая в существование игры и ее правила не посвящена. Надо сказать, что Закладчик так и не сумел вовлечь Кроткую в игру, не побудил ее разгадывать загадку. По мысли героя, она сама должна догадаться, кто перед ней. Кроткая же не разгадала загадки мужа. В сцене пения для героя открылась умозрительность всех его надежд и планов на будущее. Он понял, что проглядел, не увидел и не понял происходящего в душе Кроткой. «Строгость» («строого») — черта общения Закладчика с миром, с Кроткой; он постоянно говорит об этом. В конце повести Закладчик ведет себя сообразно своей изначальной «системе» отношений с женой (на смену жесткости теперь, как и планировалось, приходит мягкость). Однако в глазах Кроткой выражается «строгое» удивление. Героиня уже усвоила язык правил мужа, она вовсе не догадывается, что теперь настало время каких-то других правил в их отношениях.

Впервые за время общения с женой Закладчик обрушивает на Кроткую нахлынувшие чувства. Кроткая же *вне* знания свершающегося — тогда и сейчас — в душе героя. Она приняла систему правил Закладчика и поверила в верность его этим правилам, как когда-то Жиль Блаз доверился словам архиепископа Гренадского: «А я думала, что вы меня оставите так, — вдруг вырвалось у ней невольно <...> о, это было самое главное, самое роковое ее слово и самое понятное для меня в тот вечер, и как будто меня полоснуло от него ножом по сердцу! Все оно объяснило мне...» (24; 28–29). Глава названа «Пелена вдруг упала» (24; 26).

И все же игра Закладчика состоялась: в разгадывании его тайны принимает участие читатель. «Главное в проблеме отгадывания — не отыскивание собственно отгадки (денотата), а восстановление по тексту загадки первоначального „истинного описания объекта“»¹⁷. Читателю необходимо установить, что относится к «истинным» характеристикам героя, что — к мистификации и фальсификации. И автор помогает ему в этом. Именно он дает читателю ориентиры. Обратимся, например, к мотивным сцеплениям и композиции повести.

Пословица-загадка героя («Жестко стелет, мягко спать») задает свой, ведущий для повести «пучок» мотивов. Это мотивы: «строгость», «великодушие», «испытание», «загадка». Затем они осложняются появлением других мотивов: «постель», «болезнь», «усталость», «малокро-

¹⁷ Левин Ю. И. Там же С. 305.

вие». Все эти мотивы включены в механизм компрометации идеи, плана героя. Возьмем один только мотив — мотив «постели». После ночного кошмара (Кроткая делает попытку застрелить мужа) Закладчик покупает на рынке «железную кровать и ширмы». Кроткая ложится «в эту новую свою постель». Она, с точки зрения героя, «побеждена, но не прощена». «Ночью с ней сделался бред, а на утро горячка. Она пролежала шесть недель» (24; 22). Мотив постели осложняется мотивом болезни: «Я ломал руки над ней, смотря на это больное существо на этой бедной коечке, железной кроватке, которую я ей купил тогда за три рубля» (24; 29). Герой, повторим, планировал *жестко постелить*, чтобы потом ему мягко было спать. Но в действительности Кроткая сменила супружескую постель на дешевую железную «кроватьку», железную «коечку» на стол, который составлен из двух ломберных столов. А «завтра» ломберные столы, предназначенные для карточной игры, сменит гроб. В первых строках повести читаем: «а гроб будет завтра».

Действительно «жестко», а не мягко, на самом-то деле, постелил герой, ему теперь и самому-то вовсе не заснуть. «Странно тоже, что мне спать не хочется: в большом, в слишком большом горе, после первых сильнейших взрывов, всегда спать хочется. Приговоренные к смертной казни чрезвычайно, говорят, крепко спят в последнюю ночь. Да так и надо, это по природе, а то силы бы не вынесли... Я лег на диван, но не заснул...» (24; 22).

Мотивная система повести порождает смысл, диаметрально противоположный мечте и планам персонажа. Этим объясняется неудача загадки офицера-ростовщика и для читателя. Все получилось не по замыслу Закладчика, а по приметам народной многовековой мудрости: «Мягко стелет, жестко спать», «Он начинает мягко стлать жесткую кровать». Два эти варианта пословицы зафиксированы в словаре В. И. Даля. Здесь же дано пояснение: «О человеке льстивом и вкрадчивом, а зло замышляющем»¹⁸. Народная пословица «Мягко стелет, да жестко спать» постепенно все расставляет по местам: не добро ростовщик делает, но зло замышляет и свершает.

Тот же самый механизм — механизм восстановления парадигмы народной пословицы — имеет место и на композиционном уровне. Герой полагал, что сначала задаст загадку, а затем Кроткая в соответствии с его планом ее разгадает и будет по-настоящему, как ему именно хочется, ценить своего мужа. Интенция героя, кажется, поддерживается интенцией автора: планы героя обуславливают композиционное строение повести. Повесть словно в соответствии с планом героя делится на две части. Но за внешней близостью скрывается существенная разница. Первая глава, действительно, связана с планами героя, но вторая — не с их воплощением, но с их провалом. «Все планы и планы» — так

¹⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 4. С. 538.

называется одна из частей первой главы (24; 14). Напомним и названия глав второй главы: «Сон гордости», «Пелена вдруг упала», «Слишком понимаю», «Всего только пять минут опоздал» (24; 22, 26, 29, 33). Все это словно подтверждает для читателя справедливость другой народной пословицы: «Человек предполагает, а Бог располагает». Автору же достаточно при этом быть только «стенографом» происходящего по высшей воле.

Герой явно ограничен в своих возможностях. Он, несмотря на все свои претензии казаться «сияющим человеком», всего лишь человек. Он затевает игру с Кроткой, с самим собой (название одной из частей первой главы «Благороднейший из людей, но сам же не верю» — 24; 12), но затем сам, уже вовсе не зная того, оказывается участником другой игры. Дело в том, что своим самоубийством Кроткая также загадывает ему загадку. Ее можно передать такой известной загадкой как «Загадка без разгадки» (Смерть)¹⁹. В 60 — 70-е гг. XIX века, как известно, по России прокатилась мощная волна самоубийств. Таким образом, по крайней мере, это представила пресса тех лет²⁰. В те годы широкого увлечения естественными науками, как пишет И. Паперно, «ключом к тайне самоубийства оставалось вскрытие»²¹. Тайну самоубийства Кроткой Закладчик разгадывает «вскрытием» своей собственной души, но ему не дано разгадать заданную ему загадку. У этой загадки, действительно, нет и не может быть разгадки.

Итак, планы героя не воплощаются ни в сюжетно-фабульном движении, ни в композиции. Сюжет и композиция выстраиваются автором скорее по логике «от противного» по отношению к планам героя. Но здесь важно отметить, что за подобным их развитием не скрывается одна только субъективная воля автора. Иначе бы получилось, что одно индивидуалистическое видение мира — героя — натолкнулось на другое — автора. Этого нет в «Кроткой».

Вновь вернемся к конструированию исходной загадки героем («жестко стелет, мягко спать»). Она строится по имеющей место в фольклорной традиции модели: хорошо известное соотношение понятий нарушается. Подобные загадки, как правило, фиксируют парадокс. Например: «Не часы, а время сказывает» (Петух), «Мать детей сосет» (Река)²². Однако есть существенное отличие загадки ростовщика от загадок этого типа. В народных загадках на основе сходства двух объектов точно и метко передается самое существо подразумеваемого явления. Остроумная отгадка называет скрытый метафорой объект. В загадке ростовщика к хорошо известному относится пословица. Мы знаем, что герой ее «переворачивает» «модернизирует». Он предполагает, что

¹⁹ Русская пословица. Загадки / Сост. В. В. Митрофанова. Л., 1968. № 1630.

²⁰ См. об этом: Паперно И. 1860-е годы: перестройка, гласность, травматическая эпидемия // Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 51–74.

²¹ Там же. С. 66.

²² Последний пример взят из статьи Ю. И. Левина. Указ. соч. С. 302.

затем произойдет вполне традиционное для игры в загадки: другой участник догадается, о чем идет речь. Но загадка, основанная на «перевертыше» пословицы, задает совершенно другой механизм отгадывания. Со стороны отгадчика ожидается не остроумный, точный ответ, но установление допущенной ошибки и ее исправление. По мысли Сервантеса, пословицы — это «короткие изречения, выведенные из долгого опыта». Получается, что в случае «мефистофелевских» загадок Закладчика отгадчик должен понять, какому искажению со стороны персонажа подвергается многовековой народный опыт и самим разгадыванием положить этому конец. В повести Достоевского, если говорить на языке новейших информационных технологий, есть «антивирусная программа». Благодаря ее работе искажения основополагающих для человека понятий устраняются: любые aberrации в области Добра и Зла не допускаются.

Слаженность этого механизма смыслообразования обуславливает во многом «ключевая» для всей художественной системы повести пословица «Мягко стелет, жестко спать». Опорными становятся свойства пословицы, обретаемые ею в художественном тексте. А именно: «при функционировании в качестве литературной аллюзии ходового фольклорного выражения „хорошо известным фактом“ (Квятковский) оказывается как сам фольклорный текст в его первоначальном виде, так и получившие широкую известность условия его применения»²³.

Однако этим далеко не исчерпывается проблема функционирования пословицы в «Кроткой». Ф. М. Достоевский осознает всю сложность феномена русских пословиц. В «Дневнике писателя» за 1880 г. (август) он говорит о неприемлемости для России таких европейских общественных формул, как «Каждый за себя, а Бог за всех», «После меня хоть потоп». И сразу же предполагает возражения своих оппонентов: «А у нас нет таких поговорок, не говорят у нас что ли: „Старая хлеб-соль не помнится“ и сотни других афоризмов в этом же роде?» И он отвечает на подобное мнение: «Да, поговорка в народе много всяких: ум народа широк, юмор тоже, развивающееся сознание всегда подсказывает отрицание — но это все только поговорки, в нравственную правду их народ наш не верит, над ними сам шутит и смеется, в целом своем, по крайней мере, их отрицает» (26; 153–154).

В определенном смысле офицер-ростовщик в повести «Кроткая» поступает по такому именно «сценарию» (его «развивающееся сознание всегда подсказывает отрицание», и в «нравственную правду» пословицы он не верит). Но в повести есть то, что противостоит подобной «широкости» ума и «отрицанию». Обратим внимание на важнейшие семантические трансформации пословицы в повести «Кроткая». В контексте жизнедеятельности офицера-ростовщика его пословица «Жестко стелет, мягко спать» имеет только ситуативное, частное, узкое значение.

²³ Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. С. 131.

В повседневной жизни любого человека именно так используются поговорки²⁴. Другое дело смысл поговорки, который она обретает благодаря читателю к концу повести. Читатель проследил путь героя, попытавшегося сотворить «изнаночный» мир, и для самого себя устранил искажения. Опыт и знание читателя становятся основанием для семантических преобразований поговорки «Мягко стелет, жестко спать». Пословица, восстановленная автором и читателем в своем первоначальном виде, обобщает все смыслы, проявившиеся в связи с ней в повести. Это обобщение имеет в виду не только повседневную, ситуативную «широкость» народного видения. Оно захватывает и понимание поговорки, зафиксированное в словаре В.И. Даля и возведенное тем самым в ранг некой истины, и видение автора повести. Так между народным видением и авторским (недопустимость подмены Добра Злом) *скрадываются* возможные противоречия: преодолеваются «широкость», «отрицание» и отстаивается «нравственная правда» поговорки. Автора не оставляет вера, что «с надеждой на народ и на силы его, может, и разовьем когда-нибудь уже в полноте, в полном сиянии и блеске это Христово просвещение наше» (26; 154).

В 60 — 70-е годы XIX века, как утверждает современный исследователь, в России сложился повышенный интерес к фольклору²⁵. Читателю «Кроткой», знающему народное творчество, словно оказана помощь и даровано право исправить ошибку, сознательно допущенную героем.²⁶ Вот это *свободное деяние читателя*, вероятно, более всего дорого художнику. «Почва» и у художника, и у читателя в этом случае одна, общая.

²⁴ См.: Паремииологический сборник. Пословица. Загадка. С. 241, 242, 244.

²⁵ Михнюкевич В. А. Фольклоризм // Достоевский. Эстетика и поэтика. Словарь-справочник / Под ред. Г. К. Щенникова. Челябинск, 1997. С. 124.

²⁶ Думается, что тот же механизм сыслообразования (ошибка — исправление ее) распространяется и на бытование обширного библейского текста в повести «Кроткая». Отметим, например, значимые для повести новозаветные символы — союз жениха и невесты, воскресение из мертвых, свадьба и воскресение. Уже в самых первых набросках повести читаем: «в зале, на столе, два ломберных составили, в подвенечном платье, а гроб — завтра» (24; 339). Офицер-ростовщик претендует на роль освободителя. У ворот он делает Кроткой предложение, дает ей, как ему кажется, шанс на жизнь и свет. Но вместо предлагаемых врат спасения («врат небесных» — Быт. 28: 17) героине видятся врата смерти («врата преисподней» — Ис. 38: 10). «Знаете, ведь у ней, когда она тогда у ворот стояла задумавшись, чтоб сказать мне „да“, а я удивлялся, знаете ли, что у ней могла быть даже такая мысль: „Если уж несчастье и там и тут, так не лучше ли прямо самое худшее выбрать, то есть толстого лавочника, пусть поскорее убьет пьяный до смерти!“ А? Как вы думаете, могла быть такая мысль?» — вопрошает Закладчик (24; 12). Кроткая становится невестой, а затем и женой ростовщика. Она же, осознав недопустимость подмен, покидает Закладчика, заканчивает свою жизнь самоубийством. В гробу «в подвенечном платье» она словно ожидает своего настоящего жениха: сияющий образ Христа не подменяется для нее образом «сияющего человека» — Закладчика.